

Мой Город — тонкая мембрана между водой и небом.
Ловящая дыхание диафрагма, переливающаяся
полусотней цветовых оттенков — оттенков свинца.
Крыло бабочки, расправленное перед взлётом.
Или чешуйка, обронённая пролетевшим на закат ангелом?

*Георгий Цветов,
«Ленинградский ноктюрн», 1940*

От автора

На Востоке не принято ходить на кладбище. Нет такого, как у славян: чтобы скамейка у могилы, покосившийся железный столик. Сесть, выпить, закусить. Поставить гранёный стакан с водкой, накрытый ноздреватым хлебом.

Поговорить с ушедшими из жизни за жизнь.

А женщинам татарским вообще дорога к мёртвым заказана. Нельзя на погост. Женщина — породительница сущего, хранительница его трепетного огонька. Ни к чему бывать там, где всё кончается.

Сегодня опять приснилось.

Я восьмилетний обалдуй. Летние каникулы в Башкирии, на большой железнодорожной станции Янаул. К вилке соседского «Школьника» бельевой прищепкой присобачена сложенная четверо почтовая открытка. Крутишь колёса — трещит. Словно микулинский двигатель славного штурмовика Ил-2. Я лечу на бредущем над утоптанной тропой и поливаю фашистских гадов яростным огнём автоматических пушек. Шмель сопровождения надёжно гудит над ухом.

На крыльцо выходит Белая Бабушка. Белая, потому что седая. И не от старости. Бабушка словно молодой воробей — маленькая, подвижная, задорная.

Она поседела, когда почтальон разом принёс ей две похоронки на сыновей.

Ак-аби старшая в роду. Не дожили ни муж, ни братья. Кто без вести, кто вскоре после войны от ран.

В Янауле был военный госпиталь. В парке слонялись выздоравливающие — бледные, в стиранных-перестиранных бинтах. Грелись на ярком уральском солнце. Улыбались: живы.

Моей маме было три года. Она вылавливала на улицах мужчин в выгоревших гимнастёрках без погон и тащила их, смущённых, к себе домой. Поясняя всем встречным:

— Это папа мой! С фронта вернулся.

Ак-аби принимала их, не гнала. Кормила. Слушала сбивчивые рассказы, положив подбородок с ямочкой на сухой кулачок...

Бабушка машет мне с крыльца:

— Умм, малай, айда домой!

Дома кружка тёплого молока утренней дойки, синеватого от пригоршни малины. Светящиеся изнутри ягоды бултыхаются, как бродячие морские мины в Финском заливе.

Разрумянившаяся бабушка хлопочет у печки. Эмалированный тазик наполняется шанежками, тёплыми, с жёлтой корочкой и коричневыми пятнышками на ней. Будто подсолнухи.

Бабушка берёт узелок с солнцезоковыми шанежками, повязывает выходной белый платок в мелких алых цветках. Берёт меня за руку:

— Айда.

Её ладошка твёрдая, тёплая.

Трубят маневровые, как слоны на водопое. Диспетчер хохочет по громкой связи на весь Янаул. Пахнет креозотом, полынью и пылью.

За путями кладбище. Покосившиеся, заросшие памятники: полумесяцы, изредка жестяные звёзды.

На дальнем краю загородка. Там железные, крашеные в голубое пирамидки. Без имён. Только даты и цифры: «12.06.1942. 6 чел.». «26.05. 1942. Семья».

Ак-аби делает немислимое: идёт на кладбище. Отворяет скрипящую калитку. Достает шаньгу, разламывает по полам, одну половинку даёт мне. Крошит свою над травяными холмиками. Я делаю то же самое.

Тихо говорит:

— Земляки твои. Ленинградцы.

Поздней весной и летом сорок второго эшелоны эвакуированных шли печальным потоком, как одна похоронная процессия. Стояли в Янауле подолгу. Жители собирали последнее — прошлогоднюю картошку, вялые луковицы. Пекли «пустые» (откуда мясу взяться?) беляши и шаньги. Несли на станцию, к эшелонам.

Ленинградцы в вытертых тёплых пальто, в пуховых платках крест-накрест. Жарким башкирским летом их бил ледяная блокадная дрожь.

Голодные, всё равно ели деликатно. Собирали крошки в птичьи ладошки.

И умирали прямо тут, над дымящимися тазиками с ша-нежками.

По всей дороге. До Перми. До Омска...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
КОНРАД

О. Ладога

Ладога, май 1942

— Воздух!
Капитан буксира, матерясь, оттолкнул рулевого и сам обхватил красными ладонями деревянные рукоятки штурвала. Просипел:

— Петька, смотри в оба! Как вниз пойдут — крикнешь.

— Маневрировать будем, товарищ капитан?

— Да какие, к чертям, манёвры! С этой мандулой не уйдём.

Капитан с ненавистью оглянулся через треснувшее стекло рубки на вихляющуюся сзади длинную баржу, набитую эвакуируемыми из Ленинграда.

Острые скулы, будто обтянутые грязно-серой обёрточной бумагой — на такой взвешивали блокадный паёк. Бесцветные, равнодушные глаза. Драповые пальто, измазанные штукатуркой, вытертые шубы, нелепые под тёплым майским небом.

Солнечные зайчики весело перепрыгивали с волны на волну. Недавно сбросившая ледяную чешую Ладога была непривычно ласкова.

Пикировщики встали в круг. Будто решили станцевать кровожадный танец перед тем, как накинуться на жертву.

Самая нетерпеливая «штука» вывалилась из хорова и упала на маленький караван. Зудение превратилось в визг, прогнутые посередине крылья с «лаптями»

обтекателей придавали самолёту облик сошедшей с ума и поэтому летящей кверху брюхом чайки.

Беловолосый мальчик, содрав жаркую шапку-ушанку, смотрел на «юнкерс». На плоскостях вдруг вспыхнули злые жёлтые язычки. Грохот очереди выбил из воды две фонтанные дорожки, распугав солнечных зайчиков.

Дорожки наперегонки скакали к борту.

Люди начали медленно, будто ломаясь, падать на колени, потом — ложиться на живот, неловко пряча под себя мешки и узелки с нищенскими своими драгоценностями. Крики раненых заглушал грохот пулемётов.

А мёртвым было уже всё равно.

— Бомбы экономит, сука. Развлекается.

Небритый дядька в замасленном бушлате, вцепившись прокуренными пальцами в ржавый борт, наблюдал за уходящим на повторный круг бомбардировщиком. Обернулся на стоящего мальчика и заорал:

— Свихнулся, малёк? Падай на палубу!

Немец возвращался, почти цепляя колёсами сверкающую осколками солнца воду.

Матрос пихнул мальчика в перекрещенную пуховым платком грудь, сам упал сверху, прикрывая. Крепко запахло махрой и перегаром.

Заполняя всё вокруг, нестерпимо выл самолётный двигатель. Отбойными молотками били в уши пулемёты.

Дядька всхлипнул и расплылся огромной, тяжелеющей тушей. Из него толчками выливалась кровь, горячая и липкая.

Мальчик попытался закричать, но не смог — передавленная грудь отказывалась дышать.

Вой. Грохот. И кусочек синего неба между нависающим бортом баржи и пепельными волосами матроса.

* * *

Капитан, кряхтя, поднялся по верёвочному трапу, перевалился через борт. Осколки стекла расстрелянной рубки

порезали щетинистую щёку; юшка нехотя сочилась, капая на тужурку. Пробрался по скользкой палубе в бурых потёках, переступая через трупы, похожие на пыльные тощие мешки. Машинально поднял тряпичную куклу: лицо нарисовано химическим карандашом, рука оторвана, нитки болтаются, как обнажённые нервы.

Нашёл. Потрогал недвижимую спину в чёрном бушлате. Просипел:

— Егорыч, чего же ты! А швартовка теперь на ком? Эх...

У борта скрючился труп мальчика с вырванным пулей виском. Белые волосёнки топорщились слипшимся тополиным пухом.

Капитан поморщился, оглядывая заваленную палубу. Пробормотал:

— Не довели. Они думали, что отмучились, а теперь вон как...

Услышал скребущий звук, оглянулся.

Мёртвый мальчик искал что-то, шаря грязными пальцами по железу. Нащупал осколок височной кости, вставил на место.

И открыл глаза.

1. Игорь

Город, лето

Открыл глаза.
Синим бугром громоздилось тело верного бахорга: правые три лапы перекрутила предсмертная конвульсия, крылья обгорели до костей. Седло с обрывками лопнувшей подпруги валялось шагах в двадцати. Это же какой мощности был заряд!

Игорь покосился на иконки. Жизней осталось всего две. Пятую он потерял, когда Чёрные выскочили из оврага — одного завалил выстрелом из арбалета, другого достал мечом, но последний успел выбросить когтистые педипальпы.

Четвёртая жизнь, ясная дело, сгорела во вспышке взрыва. А где ещё одна?

— Игорь Анатольевич!

Или Чёрных было больше?

— Игорь Анатольевич, там посетитель.

Дьяков чертыхнулся, содрал шлем. В глаза ударил яркий свет, щедро заливающий кабинет сквозь панорамное стекло.

— Лиза, сколько раз просил: не дёргай меня в обед! Что я, не могу в законный перерыв расслабиться?

— Пять часов уже, Игорь Анатольевич...

Ни фиги себе! Надо завязывать с игрушками, а то вся жизнь пронесётся — не заметишь.

— Так почему раньше не зашла?

— Я заходила. Два раза. Вы обозвали меня гарпией и сказали, что болтов у вас на таких — полный колчан.

Игорь буркнул что-то неразборчивое и потёр стремительно краснеющие щёки.

— Что за клиент? Самой не решить? Я же принимаю только по записи.

— Он хочет лично.

— Мало ли кто чего хочет! Я вот хочу квартиру в Испании!

Елизавета хмыкнула. Ну да, глупость ляпнул: она же сама сканировала купчую. Окончательно разозлившись, Игорь махнул рукой:

— Пусть через сайт записывается. Или к Максусу его, к бездельнику.

— Макса вы сами отправили в архив, в Подольск. Я приглашу, хорошо?

— Лиза! Ты для чего в приёмной посажена? Чтобы всякое дерьмо отсекал. Ты же мне и помощник, и телохранитель. Обязана беречь начальника, мозг его, душу и тело.

Помощница усмехнулась:

— Особенно последнее. Я-то не против. Там, в вашей игрушке, нет миссии с раздеванием телохранителя?

Дьяков поперхнулся. Елизавета спрятала улыбку, наммурила бровки и сказала:

— Игорь Анатольевич, надо принять. Такому не откажешь. Сами увидите.

Повернувшись обтянутой попкой, поцокала каблучками к двери.

Игорь вспомнил, что не сохранился. И крепко выругался.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	7
----------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОНРАД

0. Ладога	13
1. Игорь	16
2. Станция.....	18
3. Странный клиент	22
4. Мама.....	27
5. Имя	31
6. Тополёк	36
7. Дом на Петроградке.....	40
8. Бабушка.....	48
9. Странности	53
10. Папа.....	61
11. Белка.....	69
12. Сталинский дракон	72
13. Лёд.....	81

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РАМИЛЬ

14. В горах	89
15. Фантомные боли	96
16. Изумрудная долина	99
17. Легенда о Дом Зуммурад, или Чешуя Ангела.....	105
18. На гранитных ступенях	110
19. Ледяной ящер	113
20. На «Памире».....	122
21. Святилище Насрулло	134

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТОПОЛЁК

22. На дачу	147
23. Метро	156
24. Дракон за стеклом.....	163
25. Двадцать второе сорок первого	171
26. Город, зима.....	183
27. Русазия.....	190
28. Великая Степь	200
29. Спасение тополяка.....	211
30. Тихвин.....	219
31. Маленькие бифштексы с соусом пикан.....	235
32. Тихвинская наступательная операция 2.0	242
33. Мальчик. Дракон	251

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ДРАКОН

34. Пискарёвка.....	275
35. ЧП на чекпойнте«Фокстрот»	284
36. Осеннее обострение.....	289
37. Курбан-байрам в Идамаа.....	308
38. Взрослые детские игры	323
39. Струп.....	331
40. Коммуналка Бога.....	349
41. Кишлак 2.0.....	362
42. Ангел в чешуе.....	375
43. Лучше, чем мы	387